

РЕЦЕПЦИЯ АНТИЧНОСТИ КАК ОБЪЕКТ ИСТОРИОГРАФИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Е. А. Чиглинец

(Казань, Казанский (Приволжский) федеральный университет,
Институт истории)

Любое обращение к прошлому есть попытка создания образа этого прошлого, т. е. некоего идеального отражения мира в сознании человека, и включения этого образа в ткань современной культуры.

По сравнению с XIX веком, который принято называть «веком истории», поскольку интеллектуальная элита в значительной своей части была уверена, что историк может воссоздать подлинную картину прошлого — «как это было на самом деле», к настоящему времени изменился предмет истории. «От эмпирической науки, главной целью которой было исследование событий, прежде всего политически значимых, фиксирующих вехи развития государственных образований и причинно-следственные связи между отдельными фактами, история эволюционировала в дисциплину, изучающую общество в его динамике... Предметом изучения оказываются события, модели поведения людей, системы их ценностных установок и мотиваций. Современная история — это история событий, процессов и структур, частной жизни человека. Подобная диверсификация исследовательского поля связана с тем, что вне зависимости от предпочтений конкретных исследовательских направлений *объектом исторического знания является человек, природа и поведение которого разнообразны сами по себе и могут быть рассмотрены в разных ракурсах и взаимосвязях*» (Репина, Зверева, Парамонова, 2004, с. 5).

Профессиональное сообщество историков в этих условиях принимает как данность идеи, что историческая картина прошлого:

- а) субъективна, частична по своей полноте и относительна в своей истинности;
- б) не столько воссоздается, сколько создается заново при всякой новой попытке написать историю;
- в) является результатом не только рационального осмысления, но и интуитивного и эмоционального восприятия сведений о прошлом (см. Репина, Зверева, Парамонова, 2004, с. 4—6).

Конструирование исторического знания за последние два века перестало быть сакральной привилегией историков-профессионалов. Это особенно ощущается в отношении тех исторических эпох, которые довольно далеки от настоящего времени, достаточно мифологизированы и плохо представлены в системе общего образования. Понятно, что античность в этом отношении выступает очень притягательным объектом. Широкое понимание предмета истории и роли субъективного фактора в историописании формирует иллюзию ее большей доступности и создает условия для деятельности на этом поле более широкого круга людей, не только специалистов-антиковедов, но и других исследователей-гуманитариев, а также и массового потребителя. И в этой ситуации речь может идти не столько об исторической науке об античности, сколько об **историческом знании** об античности, которое подразделяется на знание **рациональное**,

получаемое профессиональными методами, и знание **интуитивное**, не основанное на научных методах, но существующее и в обществе в целом, и у каждого индивидуума в частности.

На примере античности мы видим, что функция историка-профессионала — предложить обществу рационально выстроенную картину прошлого (научно-познавательная функция) — продолжает оставаться основной и зачастую единственной, а уже общество присваивает и само различными методами адаптирует это рациональное знание для выполнения иных функций — образовательной (просветительской), воспитательной, эстетической, развлекательной. Происходит, таким образом, с одной стороны, омассовление исторического знания об античности, а с другой — его субъективизация. При этом историческая картина античности либо атомизируется, распадается на множество самостоятельных сюжетов, каждый из которых понятен и объясним с точки зрения элементарного здравого смысла даже при минимальной образовательной подготовке; либо, напротив, генерализуется, монтируется в крупные блоки, которые также создают иллюзию понимания хода многовековой истории при минимальном проникновении во множество факторов, определяющих историческую реальность для специалиста-историка (самый яркий пример — это эволюция образа Александра Великого в условиях современной глобализации).

Помимо собственно профессиональных антиковедов в социуме являются два пласта носителей исторического знания об античности, не имеющие отношения к профессиональному историописанию: **люди интеллектуального труда**, которые занимаются именно адаптацией рационального знания в интересах потребителя (преподаватели и писатели, журналисты и деятели культуры и искусства, специалисты по рекламе и рекреационной работе); и, собственно, **массовые потребители** этого адаптированного исторического знания. Тот образ, что формируется в науке, и становится базой для построения художественных или массовых представлений об античности. Именно представлений, «хотя термин „представления“ также является неоднозначным. Дело в том, что в психологии и логике „представления“... традиционно обозначают звено в переходе от восприятия к мышлению, либо от образа к понятию» (Савельева, Полстаев, 2008, с. 35). Крупнейший специалист в области психологии познания Дж. Брунер писал: «Представление, или функциональная система представлений, — это, по существу, набор правил, в форме которых откладываются в нашей памяти результаты встреч с различными событиями, составляющими наш опыт» (Брунер, 1977, с. 308). Конечно, речь идет об индивидуальном восприятии и индивидуальном представлении, но, как мы увидим дальше, переход от индивидуального опыта к опыту социальному уже стал предметом интереса исторической науки, которая, в свою очередь, выработала определенные процедуры для изучения и процесса этого перехода, и его результатов в общественном сознании. Тот же Дж. Брунер говорит о том, что «представления существуют в некоторой среде», события «могут представляться... либо в форме изображений, либо с помощью слов, либо с помощью иных символов», т. е. в пределах «трех сфер — сферы действия, иконической и символической...». И далее тоже предельно близко к интересующим нас процессам создания общественных представлений: «Представление события избирательно: строя модель чего-либо, мы включаем в нее не весь объем информации, относящейся к предмету. Критерий отбора определяется обычно целями представления,

то есть тем, что мы намерены делать с упорядоченной таким способом информацией» (Брунер, 1977, с. 308—309).

Повышенное внимание у непрофессионалов вызывают именно те события, явления, персонажи античности, образ которых актуализируется современными социокультурными процессами.

Усложнившаяся структура носителей исторического знания меняет и содержание предмета историографических исследований. Если изначально в поле зрения историографа попадало только то, что относилось к истории профессионального исторического знания, то теперь и непрофессиональные носители исторического знания должны быть предметом изучения историографии.

Правда, и это тоже не ново. В отечественной науке в 70-х гг. XX в. постоянно возникала полемика между теми, кто считал, что историография как субдисциплина должна заниматься историей исторической науки, и теми, кто полагал, что она должна заниматься историей исторической мысли. Соответственно, это же требовалось от историографии античной истории. Каждое из этих направлений предполагало и расширения. В первом случае — изучение не только концепций, но и организационных форм, творческой лаборатории, биографии и, наконец, коммуникации в профессиональном сообществе. Во втором — изучение исторических воззрений мыслителей, писателей, общественных деятелей, филиации идей, коммуникации с профессиональной наукой. Как видим, исследовательские поля этих двух направлений почти перекрываются, а потому этот несколько схоластический спор постепенно прекратился.

Сегодня назрела необходимость рассмотреть восприятие античности не просто на уровне индивидуального интереса отдельной личности, а с учетом социокультурного опыта и общественных потребностей, т. е. историография должна обратиться и непосредственно к изучению социальных исторических представлений о классической древности.

Здесь, на мой взгляд, принципиально положение В. Вжозека о социальной истории культуры как методе познания прошлого. Он вводит понятие «общественно-субъективного» в противовес «субъективно-индивидуальному» как способ уловить историческую ситуацию прошлого. Это позволяет хоть как-то дешифровать «таинственную диалектику», связывающую сознание индивидуума с коллективным сознанием (Вжозек, 1991, с. 72).

В XX веке в условиях господства массовой коммуникации и массовой культуры любое обращение к прошлому, в частности, к античности приобретает общественно значимый характер, доступно каждому члену мирового сообщества (см. Терин, 2000, с. 132—134, 142—143), а «степень свободы интерпретации» наследия в рамках универсальных цивилизаций резко возрастает (Шемякин, 1997, с. 95). Исторический персонаж становится игрушкой для политиков, интеллектуалов, художников. Они без всяких ограничений интерпретируют имеющиеся данные, свободно домысливают то, что необходимо для реализации политических или художественных замыслов, и ретранслируют результат в общественное сознание.

Включение исторического знания в социальное сознание, мотивы и механизмы его должна исследовать именно историография.

Брунер Дж. (1977) Психология познания. За пределами непосредственной информации. М.

Вжозек В. (1991) Историография как игра метафор: Судьбы «Новой исторической науки» // Одиссей, 1991. Человек в истории. Культурно-антропологическая история сегодня. М.

Репина Л. П., Зверева В. В., Парамонова М. Ю. (2004) История исторического знания: пособие для вузов. М.

Савельева И. М., Полетаев А. В. (2008) Социальные представления о прошлом, или Знают ли американцы историю. М.

Терин В. П. (2000) Массовая коммуникация. Исследование опыта Запада. М.

Шемякин Я. Г. (1997) Межцивилизационное взаимодействие и типы творческой личности // Латинская Америка. № 4.